

Михаил Кальницкий

СИНАГОГА

КИЕВСКОЙ ИУДЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ

5656-5756

Исторический
очерк

Михаил Кальницкий

**СИНАГОГА
КИЕВСКОЙ ИУДЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ
5656-5756**

Исторический
очерк

Институт Иудаики
Киев 1996

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
организации «Яд Исраэль»

Компьютерная верстка — Татьяна Иванько
Ответственный за выпуск Игорь Гильбо

В оформлении издания использованы
гравюра Александра Белецкого
и фотографии Дмитрия Пейсахова

В книгу вошли документы
государственных архивов Киева и Санкт-Петербурга,
фотоматериалы из коллекции автора
и издания «Thota und Kroppe», Wien, 1993

Издание подготовлено
Персональной Творческой Мастерской
«Михаил Циголь»

© Михаил Кальницкий, 1996
© Виктор Харик, художественное оформление, 1996

Автор признателен за помощь
в подготовке и издании очерка
раввину Якову Дов Блайху,
Анне Волкотруб, Татьяне Иванько,
Михаилу Мицелю, Леониду Финбергу
и Борису Хандросу

Стены нашей синагоги были свидетелями жизни пяти поколений киевского — да и всего украинского — еврейства. Здесь молились евреи до большевистской революции. Это было поколение, которому отказывали в праве быть равными с другими. Действовали жестокие законы, ограничивавшие место жительства, права на учебу и работу...

Следующее поколение евреев получило эти права. Но одновременно — и жестокие погромы гражданской войны и неистовый атеизм новой власти. Религию объявили «опиумом для народа», и синагоги закрывали, как и другие храмы. Это были равные права на бездуховность.

Потом началась вторая мировая война, а вместе с ней — страшная КАТАСТРОФА европейского еврейства, ШОА, и чуть ли не жесточайшие страницы ее истории были написаны в Киеве. Бабий Яр стал одним из символов этого времени. Синагогу превратили из клуба, которым она стала при большевиках, в конюшню...

После войны власти разрешили восстановить единственную в городе синагогу — очевидно как символ умирающей религиозности. Подлинная духовность была невозможна: к тому времени были уничтожены практически все очаги еврейской жизни — школы, музеи, исследовательские центры... Синагога скорее напоминала богадельню, в которую ходили лишь чудом уцелевшие после ШОА старики.

Лишь с перестройкой и становлением независимой Украины началось возрождение еврейской религиозной жизни. Правление иудейской религиозной общины обратилось к

Столинскому Ребе с просьбой прислать в Киев и область постоянного раввина. Ребе рекомендовал меня на эту должность. И вместе с прихожанами синагоги, при финансовой поддержке организации «Яд Исраэль», мы начали работать. Уже в начале 1990 года при синагоге была открыта первая за многие десятилетия еврейская воскресная школа — шаг к вере отцов, первое знакомство молодежи города с еврейской традицией. Затем было открытие иешивы и ежедневной школы (1990 год), строительство пекарни мацы (1991), шхиты (1993), миквы (1994). Мы начали отмечать еврейские праздники, организовывать летние лагеря для детей и юношества, помогать старикам и больным — словом, делать все, что делают еврейские общины мира.

Благодаря личной поддержке Столинского Ребе и созданной им организации «Яд Исраэль» киевская синагога стала центром еврейской жизни города и Украины, одним из центров еврейской общинной жизни Европы.

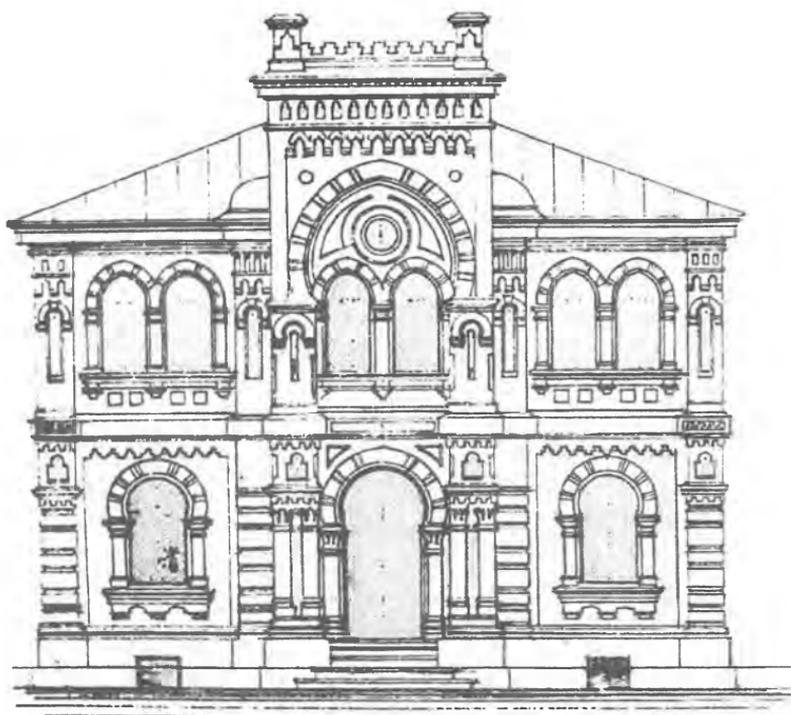
Я уверен, что наша синагога будет и дальше всячески способствовать еврейскому возрождению в Украине до прихода в скором времени Машиаха в наш дом.

С уважением,
Главный Раввин Украины и Киева
Яков Дов Блайх

СѢСАГО

существовавшее каменное двух-этажное
зданіе въ царств. восточной въ Московскомъ Дворѣ
п. по Успенской п. принадлежавшее Дворцово-Державн.

Истекший год — 5756 по еврейскому календарю — был сотым со времени основания старейшей из существующих ныне синагог столицы Украины. Можно сказать без преувеличения, что адрес «Киев, Щекавицкая, 29» известен всему еврейскому миру. Судьба этого здания неотделима от судьбы евреев Киева, которые в течение многих лет только здесь могли приобщиться к вере и традициям своего народа.

Желание ознакомиться с прошлым киевских синагог уводит исследователя в глубь столетий. Киев относится к числу древнейших городов Восточной Европы, и евреи живут на его территории едва ли не столько же лет, сколько он существует. Как известно, самый ранний из выявленных документов с упоминанием Киева написан на иврите; историки относят его к первой половине X века. Знаменитая древнерусская хроника «Киевская летопись» сообщает о наличии в столице Киевской Руси компактного еврейского поселения. Северо-западные ворота в системе городских укреплений, созданной в 1037 году князем Ярославом Мудрым, именовались в летописи «Жидовскими». Историки считают, что они находились в районе нынешней Львовской площади. Неподалеку от них, на территории так называемого Кудрявца, и располагался в древности еврейский квартал, здесь была синагога. По мнению жившего в XVIII веке историка Василия Татищева, в этой синагоге киевские иудеи спасались в 1113 году от бунта местных жителей после кончины князя Святополка, который покровительствовал евреям к неудовольствию христиан. На Кудрявце евреи жили еще не одно столетие — вплоть до середины XVII века, но были изгнаны оттуда казаками Богдана Хмельницкого. От древнейшего еврейского квартала остались одни воспоминания,

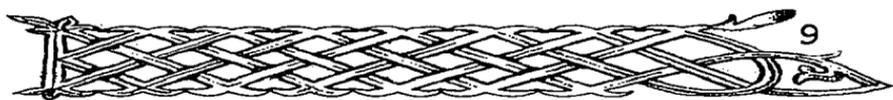

никаких вещественных следов его пока не обнаружено, и можно лишь гадать, как выглядела самая первая синагога Киева.

Возрождение местной еврейской общины началось двести лет назад. В 1794 году Киев и Киевская губерния были включены в так называемую «черту оседлости». Только в пределах этой черты евреи могли проживать беспрепятственно. В начале XIX века еврейское население города увеличилось с нескольких сотен до полутора тысяч человек. Здесь имелись три иудейских молитвенных дома. Самая крупная синагога той поры находилась на Печерске, на Трепольской улице (в районе нынешней Печерской площади). Она представляла собой внушительное деревянное здание с фасадом длиной 23 метра, украшенное четырехколонным портиком, которое было построено в 1808 году по проекту известного зодчего Андрея Меленского. С 1815 года действовала синагога на Подоле, вблизи Фроловской улицы и Боричева Тока.

Но вскоре благоприятное для киевского еврейства течение событий нарушилось. Император Николай I, оставляя в черте оседлости Киевскую губернию, исключил из нее город Киев. 2 декабря 1827 года он распорядился в двухлетний срок выселить из города всех евреев и впредь допускать их сюда по торговым делам не более, чем на шесть месяцев. Как ни уговаривали его местные администраторы, доказывая экономическую нецелесообразность такого шага, царь остался непреклонен. Отвлеченные соображения оказались важнее здравого смысла. Зато православное купечество Киева могло торжествовать: их избавили от конкурентов. Само собой разумеется, что все синагоги в городе были закрыты, поскольку первый же пункт царского указа гласил: «Евреи не могут иметь в Киеве ни постоянного пребывания, ни заведений для отправления их обрядов». В течение последующих лет иудейские молитвенные дома Киева исчезли с лица земли.

Длительное время ни один еврей не мог появиться в Киеве без особого пропуска, выдаваемого властями; ни один еврей не имел права ночевать в этом городе нигде, кроме двух специально назначенных постоялых дворов. И все же в 1854-55 годах местная администрация дала согласие на открытие пяти небольших еврейских молелен. Поводом к этому послужила

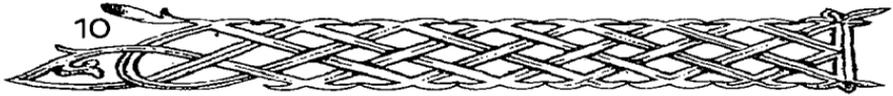

Крымская война. В городе сосредоточился значительный гарнизон, в составе которого было немало евреев; кроме того, евреи служили в Киевском арсенале и в ведомстве путей сообщения. Формально их молебни считались недоступными для «посторонних» единоверцев, но на практике этот запрет обходили.

А с воцарением императора Александра II в судьбе киевской еврейской общины вновь произошел счастливый поворот. Появились правовые основания для постоянного жительства значительного числа евреев в Киеве, который по-прежнему оставался вне черты оседлости.

Прежде всего, были оговорены категории еврейского населения, получившие право повсеместного проживания в Российской империи — так сказать, «полезные евреи», для коих заведомо не составляло труда адаптироваться к нееврейской среде. С 1859 года к таковым отнесли купцов 1-й гильдии, которые могли, отбыв временной ценз, приписаться к купеческому сословию в любом городе. Такие купцы наделялись «всеми правами, коренному русскому купечеству по сей гильдии присвоенными» (гильдия для купцов означала декларирование определенного капитала, с которого уплачивался налог). С 1861 года вне черты оседлости могли проживать лица с высшим образованием, к которым в 1879 году были добавлены представители медицинских профессий — аптекарские помощники, дантисты, фельдшеры, повивальные бабки и изучающие эти специальности. Далее, повсеместное потомственное право жительства было предоставлено евреям, прошедшим воинскую службу на основании рекрутской повинности: с 1860 года — служившим в гвардии, а с 1867 года — вообще всем отставным нижним чинам; позже этим правом наделили евреев — участников русско-японской войны. Наконец, основанием для проживания вне черты оседлости могло быть и занятие ремеслом с разрешения местной ремесленной управы. «Полезные евреи» имели право поселить у себя и членов своих семей.

Помимо законов, распространявшихся на всю империю, 11 декабря 1861 года царь утвердил мнение Государственного совета о порядке разрешения евреям постоянного и временного пребывания в Киеве. Это специальное постановление гласило,

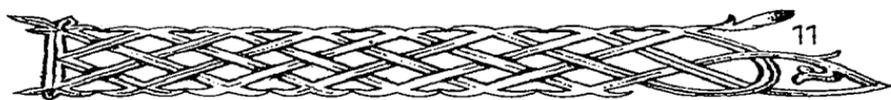
что право пребывания в «матери городов русских» распространяется на:

- купцов первой, а также и второй гильдии с семьями, приказчиками и прислугой — через пять лет после получения гильдейского свидетельства и на весь срок его действия;
- состоящих на службе — до окончания срока службы;
- привозящих на продажу «жизненно важные припасы и другие предметы свободной торговли» — в торговые дни;
- приезжающих «для покупки разных материалов, для доставления работ своего мастерства, по перевозу пассажиров и извозу клади» — в течение двух недель;
- лечащихся минеральными водами и в клиниках Киева — до конца курса лечения;
- воспитанников учебных заведений — в течение всего срока обучения;
- обучающихся ремеслам и фабрично-заводскому производству — в течение срока, обозначенного в соответствующих контрактах и свидетельствах.

В любом другом случае еврей мог приехать в Киев по специальному разрешению генерал-губернатора, которое давалось на шесть недель и при необходимости продлевалось до полугода. Нужно, однако, заметить, что в этом постановлении была сделана существенная оговорка: все перечисленные в ней категории еврейского населения могли останавливаться и жить только в Лыбедской и Плоской частях (согласно полицейскому делению, эти участки размещались соответственно вдоль реки Лыбедь и за линией Верхнего и Нижнего Валов). Евреев, которые осмеливались нарушить ограничение или же появлялись в Киеве, вовсе не имея на то права, беспощадно выдворяли из города.

Сразу после того, как здесь прочно обосновались несколько еврейских купеческих семей, снова возникла необходимость в обустройстве синагоги. 1 ноября 1860 года возрожденная иудейская община обратилась к генерал-губернатору князю Иллариону Васильчикову с просьбой о разрешении на открытие в Киеве нового молитвенного дома и бани «миква».

Момент для этого был выбран более или менее благоприятный. Князь Васильчиков слыл человеком отзывчивым и гуманным. Еще большей любовью пользовалась его супруга,

княгиня Екатерина Васильчикова, воплощенная доброта, при содействии которой в Киеве появилась еврейская больница. Быть может, в надежде на столь высокое покровительство местные евреи попросили даже чуть больше того, что им в то время полагалось. На первых порах для их проживания и для приобретения недвижимости предоставлялась упомянутая выше Плоская часть — удаленная от центра местность, которая к тому же регулярно затапливалась весенними паводками. Плоская часть граничила с Подольской, более оживленной и привлекательной для торговли. Их разделяла широкая канава, проходившая там, где сейчас находится бульвар вдоль улиц Верхний Вал и Нижний Вал. И вот евреи выразили желание устроить синагогу не в Плоской, а в Подольской части города. Для этой цели уже присмотрели участок земли вблизи границы-канавы.

Вероятно, князь Васильчиков не стал бы возражать, но тут подняли шум православные жители Подольской части. Купцам и лавочникам Подола не хотелось видеть рядом с собой энергичных конкурентов-евреев. Они заявили, что предполагаемое место для синагоги расположено слишком близко от одного из христианских храмов. Генерал-губернатор был в нерешительности и предложил, во избежание конфликтов, чтобы «для постройки еврейского молитвенного дома избрано было место в Плоской части на одной из менее значительных улиц и в более или менее отдаленном расстоянии от православных церквей». Потянулась бюрократическая канитель. Тем временем князь Васильчиков скончался. Новые администраторы вникали в курс дела, а месяцы шли. До поры до времени евреи вынуждены были приспособлять под молельни частные квартиры. Даже на это нелегко было добиться разрешения. Зато в Лукьяновской тюрьме в 1864 году была устроена специальная молельня для евреев-заключенных.

По мере роста численности и влияния еврейской общины местные власти все же склонялись к уступкам. В 1867 году генерал-губернатор Александр Безак позволил перенести одну из трех иудейских молелен на подольский берег «канавы», где для жительства евреев был выделен небольшой «плацдарм». В 1884-м в Киеве имелось уже девять еврейских молитвенных домов:

три — возле Лыбеди, два — на Подоле и четыре — в Плоской части. В той же Плоской части, на Ярославской улице открылась еврейская баня — «миква». К этому времени официально в городе проживало 10045 евреев, сосредоточенных в 916 дворах.

Законом была установлена квота: на каждые 30 еврейских домов в населенном пункте — одна молитвенная школа («бес гамедраш»), на каждые 80 — одна синагога («бес гакнесес»). Казалось бы, киевские евреи имели право открывать все новые и новые молитвенные школы и синагоги. Однако в 1889 году киевлянам напомнили, что в законодательстве имелась следующая оговорка: «Евреи могут беспрепятственно отправлять общественные молитвы лишь в местах общей их оседлости». В силу этой оговорки разрешение на открытие новых иудейских молелен в Киеве было признано прерогативой Министерства внутренних дел, что значительно усложняло хлопоты.

Хоть в 1891 году число еврейских молитвенных домов в городе достигло двенадцати, речь шла не о значительных общественных сооружениях, а всего лишь о нанятых помещениях или небольших постройках. Вот как в то время описывал губернский чиновник одну из наиболее посещаемых киевских молелен на углу нынешних улиц Шота Руставели (бывшая Мало-Васильковская) и Рогнединской: «Дом одноэтажный деревянный под железной крышей, состоит из передней и двух комнат: мужского отделения молельни площадью 6,75 x 4,00 саж. (1 сажень равна 2,13 м — М.К.) и женского отделения площадью 2,40 x 4,00 саж. при высоте помещения 1,60 саж. ... По тесноте помещений и ветхости дом не соответствует назначению». Тем не менее хлопоты местного еврейства о разрешении устроить обширную хоральную синагогу не достигали результата. Наоборот, министр внутренних дел в июле 1893 года объявил, что «устройство постоянной хоральной молельни евреям не дозволено ни в центральной части г.Киева, ни даже в отдаленных частях онога». На практике этот отзыв толковали в том смысле, что киевская еврейская община не может строить для себя синагогу с признаками культового здания, а вправе лишь приспособлять под молельни жилые и хозяйственные помещения. При этом власти решили, что их общее число не должно выходить за пределы существующих двенадцати. Поэтому вся-

кий раз речь шла не об открытии новых молитвенных домов, а о «перемещении» их из одного здания в другое.

Такова была ситуация, сложившаяся к 1894 году. В Киеве тогда проживало уже 14676 евреев при общем населении города 188488 человек; иудаизм был здесь третьим по распространенности вероисповеданием после православия и католичества. Среди киевских евреев выделялись немало известных и авторитетных личностей. Достаточно вспомнить «сахарных королей» — братьев Лазаря и Льва Бродских, фабриканта и филантропа Юну Зайцева, организатора судоходства по Днепру Давида Марголина, врача и общественного деятеля Макса Мандельштама, видного инженера Артура Абрагамсона, знаменитого писателя Шолом-Алейхема, деятельного и мудрого «казенного раввина» Евсея Цуккермана.

*Гесель Маркович Розенберг,
попечитель Киевской
еврейской больницы*

Популярностью в городе пользовалась и семья Розенбергов. Купец Гесель Маркович Розенберг был щедрым благотворителем, состоял попечителем Киевской еврейской больницы. Своему сыну Габриэлю-Якову он дал превосходное образование: Розенберг-младший окончил юридический факультет Петербургского университета. Прибыв в Киев, Габриэль-Яков Розенберг постарался использовать свои способности, познания и богатство на благо единоверцев. Именно ему киевское еврейство обязано постройкой синагоги на Щекавицкой, 29.

Для строительства Розенберг выбрал одну из главных улиц Плоской части города, которая упирается в гору Щекавицу. Название горы восходит к преданию об основании Киева тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом. Под Щекавицей — «горой Щека» — и начинается Щекавицкая улица. Здесь

Габриэль-Яков приобрел участок земли площадью свыше 1200 квадратных метров. Проект здания в марте 1894 года составил местный архитектор, выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества Николай Гарденин. При этом и речи не было о строительстве синагоги. Любопытно убедиться, что на проектных чертежах изображен дом-особняк, распланированный под жилые квартиры. Такие проекты в общем порядке согласовывались с городской управой. У «отцов города» не нашлось возражений, муниципальный архитектор Ипполит Николаев утвердил проект, и строительство началось.

Прошел год. И вот в 1895-м Габриэль-Яков Розенберг возбудил ходатайство о переносе в его новоотстроенное здание молитвенного дома из усадьбы Афиногена Лунева по Ярославской улице. Для этого нужно было заручиться согласием Киевского губернского правления. Туда Розенберг и явился с чертежами предполагаемой молельни. Достаточно сопоставить принесенные им документы с первоначальным проектом Гарденина, чтобы лукавство ходатая стало очевидным. Слов нет, выстроенный фасад почти буквально соответствовал исходному чертежу. Но новая планировка здания с обширным двухсветным залом, хорами и подвальным помещением не имела ничего общего с планом жилого дома. Иными словами, Розенберг не «приспособил» свой дом для молельни, а сознательно строил синагогу под видом жилья. Тем не менее, ожидаемых вопросов к домовладельцу не возникло. Может быть, потому, что разрешение от имени губернского правления давал уже не городской архитектор, а губернский инженер. А может быть, власти просто посмотрели сквозь пальцы на эту уловку, уважая полезную деятельность Габриэля-Якова Розенберга. Ведь он имел несомненные заслуги перед городом, выделяя регулярные субсидии на содержание Киево-Фундуклеевской женской гимназии, где официально числился «почетным блюстителем». Кроме того, Розенберг являлся почетным членом Санкт-Петербургского совета детских приютов, что свидетельствует о его содействии и этому филантропическому учреждению. Попечительство засчитывалось ему как государственная служба, в соответствии с выслугой присваивались чины — коллежский секретарь, титулярный советник...

Неизвестно, сам ли Габриэль-Яков Геселевич придумал комбинацию, закончившуюся постройкой синагоги вопреки запрету министра, или ее изобрел вместе с ним раввин Евсей Цуккерман, посещая Розенберга в его личных апартаментах в уютной местности Липки, на нынешней улице Грушевского, 14. Этот старинный дом, построенный еще в начале XIX века, помнит собрания декабристов, здесь некогда заседала масонская ложа. На фасаде установлена мемориальная доска в честь А.С.Пушкина, хотя сведения о его пребывании в этом доме не подтверждаются документами. Любопытно, что уже в недавние годы сюда опять приходили раввины: некоторое время в бывших апартаментах Розенберга размещался Комитет по делам религии при Правительстве Украины.

Итак, в 5656 году по еврейскому летосчислению в Плоской части Киева впервые появилось здание, полностью предназначенное для нужд молящихся евреев. Фасад его является удачным образцом стилизации под мавританскую архитектуру. В декоре применены характерные элементы ориентализма: высокий центральный ризалит, напоминающий восточные учебные заведения; подковообразные арки окон и дверей с полосатой кладкой. В то время именно заказчики-евреи чаще всего желали оформлять свои постройки в этом стиле. Может быть, это должно было указать на их собственное «восточное» происхождение. Возможно также, что подобное стилизованное решение вызывало ассоциации с зодчеством Испании эпохи Кордовского халифата и владычества арабов на Пиренейском полуострове. Как известно, в мавританской Испании еврейство пережило один из своих величайших расцветов. Припомним наиболее

*Евсей Авраамович
Цуккерман,
Киевский казенный раввин*

*Барон Владимир Горацевич
Гинцбург*

крупные киевские здания, декорированные по-восточному: доходные дома на Бассейной, 1; на Рейтарской, 31; на Городецкого, 10. Все они возводились по заказу евреев. А самый яркий памятник этого стиля в Киеве — нынешний Дом актера на Ярославовом Валу — был молитвенным домом караимской общины

Дом на Щекавицкой, 29 долго оставался единственным в Киеве капитальным помещением для синагоги. Почин Габриэля-Якова Розенберга поддержал могучий клан Бродских. В 1898 году на улице

Мало-Васильковской, 13 открылись двери монументального здания хоральной синагоги, основанной мультимиллионером Лазарем Бродским. Через год на той же улице начала действовать так называемая «купеческая синагога», фундатором которой был брат Лазаря — Лев Бродский (теперь в этом помещении, перестроенном до неузнаваемости, находится «Кинопанорама»). В дальнейшем права киевских евреев на обустройство молитвенных домов несколько расширились, в разных районах Киева возникли новые благоустроенные синагоги. Но старейшей оставалась синагога на Щекавицкой.

В начале XX века у бывшей синагоги Розенберга появился новый покровитель. Опекуном ее и формальным владельцем здания стал Владимир Горацевич Гинцбург. Можно с уверенностью сказать, что средств и возможностей для всяческого содействия синагоге у барона Владимира Гинцбурга было ничуть не меньше, нежели у титулярного советника Габриэля-Якова Розенберга. Семья Гинцбургов пользовалась всероссийской известностью. Отец Владимира, Гораций Евзелевич Гинцбург, крупнейший предприниматель и банкир, был видным меценатом и филантропом, лидером еврейской общины в сто-

лице империи, руководил Обществом для распространения просвещения между евреями в России. Великий герцог Гессен-Дармштадтский пожаловал его титулом барона. Сын пошел по стопам отца. Владимир Горацевич субсидировал деятельность Еврейского историко-этнографического общества, опекал киевские учебные и благотворительные учреждения. Помимо отцовского наследства, разделенного с другими братьями, он пользовался внушительным приданым своей жены Клары, дочери Лазаря Бродского.

При содействии Владимира Гинцбурга в 1916 году производились расширение и реконструкция помещения синагоги. В главном молитвенном зале появилось дополнительное крыло галереи для женщин, была пристроена новая лестница в подвал. Проект реконструкции составил выдающийся киевский зодчий Валериан Рыков. В это время шла война, и еврейское население города значительно увеличилось за счет беженцев из западных областей, достигая временами ста тысяч человек.

Безусловно, синагога на Щекавицкой была важнейшим религиозным и общественным центром для евреев Плоской части, да и всего Подола. Правда, в тогдашних путеводителях и справочной литературе она упоминалась крайне редко. Евреи вообще не считали необходимым широко афишировать количество и местонахождение своих молелен, поэтому адресные книги приводили, как правило, лишь сведения о синагогах Лазаря и Льва Бродских на Мало-Васильковской. Молитвенный дом на Щекавицкой, 29 в официальных документах чаще всего называли «ремесленной молельней № 10». Этот номер остался с тех времен, когда в Киеве не могло быть более 12 синагог и все они были перенумерованы. С синагогой связана деятельность киевских общественных раввинов — Евсея Цуккермана, Петра Ямпольского, Соломона Лурье. В 1906 году Киев был разделен на два раввинских участка. Раввином 2-го участка, в состав которого входила и Плоская часть, стал Яков Алешковский.

Февральская революция 1917 года принесла евреям Киева значительное облегчение: не стало черты оседлости, еврейское население города получило равные права с остальными жителями. Но затем последовали трагические события. За три года

в Киеве четырнадцать раз совершались перевороты, четырнадцать раз обновлялась политическая обстановка. И всякий новый переворот приносил евреям новые беды. Большевики считали их богачами и требовали контрибуций, а противники большевиков призывали громить «жидов-комиссаров». Дома евреев, их синагоги подвергались разграблению. Тем не менее «ремесленный молитвенный дом № 10» продолжал действовать. Летом 1919 года его община присоединилась к настоятельным просьбам верующих евреев отменить решение советских органов о разгоне погребального братства «Хевро Кадиша». О том же ходатайствовало и еврейское религиозное общество «Малярское», которое также обосновалось в здании по Щекавицкой, 29.

Но вот настала мирная передышка, и 22 июля 1921 года Киевское еврейское религиозное общество предъявило к регистрации в губернский ревком список открываемых молелен из 94 позиций. В этом списке отмечены и общины с улицы Щекавицкой, 29 — «ремесленников» и «малярская». Еще несколько иудейских общин размещались по соседству, на Щекавицкой, 25. Спустя некоторое время община «ремесленников» была преобразована в «портняжскую» («шнайдерши»).

Несколько лет евреи беспрепятственно молились в старинной синагоге. Но тучи уже сгустились. В 1926 году была ликвидирована хоральная синагога. Ее преобразовали в клуб кустарей. Через три года та же судьба постигла и синагогу на Щекавицкой. 8 апреля 1929 года президиум Киевского горсовета принял решение (пер. с украинского): «Учитывая многочисленные резолюции районных конференций Райкуста, Пленумов актива, отчетно-выборных собраний кустарей, а также заявление с подписями до 2-х тыс. кустарей с требованием превратить синагогу Розенберга в клуб и принимая во внимание, что на Петровке (официальное советское название Подола в 1920-х—30-х гг. — М.К.) есть около 30 синагог, из которых большинство пустует в то время, когда клубная работа среди кустарей поставлена неудовлетворительно из-за отсутствия соответствующего помещения, — признать необходимым закрыть синагогу Розенберга и помещение ее отвести под клуб кустарей Петровского района». Это постановление утвердили окружной

исполком и Всеукраинский Центральный исполнительный комитет. В сентябре того же года правление Петровского райотделения кустарей уже требовало у президиума горсовета справку о закреплении за Союзом кустарей Петровки здания бывшей синагоги «на предмет выселения лиц — служителей культа, поселившихся в данном доме». Надо ли говорить, что упоминание о якобы существующих на Петровке 30 синагогах оказалось блефом: большинство молелен еврейского Подола уже были закрыты или ожидали закрытия.

К началу второй мировой войны в Киеве перестали действовать все церкви, все костелы, все синагоги. Религиозная жизнь едва теплилась. Есть сведения, что в одной из квартир на Щекавицкой улице в 1930-х годах все же проходили занятия подпольной иешивы.

Фашистская оккупация — величайшая трагедия киевского еврейства. На рассвете 29 сентября 1941 года еврейские старики, женщины, дети, подчиняясь приказу, многотысячными толпами двинулись в указанное немцами место «на угол Мельниковой и Доктеривской улиц». Их ждали пулеметы и смерть. Никто уже не подсчитает, сколько прихожан синагоги Розенберга осталось в Бабьем Яру. Старое здание, хоть и оскверненное оккупантами (говорят, что в нем устроили конюшню), пережило эти страшные дни.

А вскоре после освобождения Киева дом на Щекавицкой, 29 вновь стал синагогой. Советская власть, по-видимому, вразумленная великим испытанием, ослабила жесткое давление на религию. Регистрация синагоги состоялась 7 апреля 1945 года и была подтверждена решением Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР от 16 июля 1945 года Подольский райсовет 10 мая того же года передал здание в бессрочное пользование иудейской религиозной общины. Раввином стал Ицко Гершкович Шехтман.

Несмотря на страшную память 1930-х годов о гонениях на всех верующих, несмотря на разнузданный атеизм советской идеологии, евреи тысячами устремились в синагогу. По официальным данным на 1952 год, Киевская иудейская религиозная община насчитывала до 5 тысяч человек, а в Йом-Кипур 1951 года синагогу посетило около 30 тысяч евреев. Не меньше

верующих было и при следующем раввине — Авруме Альтеровиче Паниче. Это вызывало раздражение властей, и на очередном витке атеистической вакханалии должность раввина в киевской синагоге была надолго упразднена. Религиозной жизнью иудейской общины ведал ее исполнительный орган, находившийся под постоянным контролем со стороны официального Совета по делам религиозных культов и службы госбезопасности. Малейшая активность, проявляемая служащими синагоги, увеличение притока верующих и тем более контакты с заграницей вызывали подозрение и расследование. Предпринимались и другие действия для ущемления иудейской общины. Так, в 1950-х годах она вынуждена была делить помещение синагоги на Щекавицкой, 29 с евангелическими христианами-баптистами.

Больше всего страшило советских чиновников влияние религии на молодых евреев. За регулярное посещение иудейских богослужений смельчаки изгонялись из комсомола, из высших учебных заведений, подвергались и более суровым наказаниям. В ход шли клеветы, провокации. Известный киевский писатель Виктор Некрасов, вынужденный в 1974 году эмигрировать, с горькой иронией вспоминал об участии одного из своих арестованных друзей: «... И Саша Фельдман тоже пусть посидит, нечего крутиться возле синагоги, смуту сеять и венки свои с непонятными там надписями на Бабий Яр волочить. Посидишь, потаскаешь камни, поймешь наконец, как у нас хулиганить. Саша получил три года за то, что оскорбил, вырвав из рук торт, девушку и избил (!) двух здоровенных парней, которые, как потом оказалось, были просто-напросто двумя переодетыми милиционерами».

Особенно жестким контроль властей над синагогой стал после разрыва дипломатических отношений с Израилем (1967 год) и заметного роста еврейской эмиграции из СССР и, в частности, из Киева. Правлению исполнительного органа синагоги приходилось тщательно оберегаться от любого подозрения в «сионистской пропаганде»: последствия могли быть роковыми. И все же евреи, сохранявшие верность традиции, продолжали посещать свой молитвенный дом, а по праздникам сюда стекались верующие даже из-за пределов Украины.

Только в 1987 году, в период горбачевской перестройки, в синагогу вновь был назначен раввин — И.Фукс. В 1990 году должность раввина при Киевской иудейской общине, Главного раввина Киева и Украины занял Яков Дов Блайх, прибывший сюда из США. Можно сказать, что именно после этого киевские евреи вновь почувствовали: у них есть ребе. В нашем городе возобновились многие традиционные обряды. В августе 1990 года в синагоге было проведено первое за много лет легальное обрезание. При синагоге открылась иешива, раввин активно содействовал созданию мужской и женской еврейских гимназий. Теперь в синагоге можно встретить не только почтенных старцев, но и пытлиую молодежь.

Важной вехой в истории киевского еврейства стало провозглашение независимости Украины. Евреи столицы приняли участие в историческом референдуме 1 декабря 1991 года, хотя этот день едва не омрачился трагедией: в помещении синагоги было обнаружено взрывное устройство, которое, к счастью, удалось обезвредить.

4 марта 1992 года Президент Украины подписал указ «Про заходи щодо повернення релігійним організаціям культового майна». Отныне иудейская религиозная община чувствует себя полноправным хозяином своей синагоги. Раввин Яков Дов Блайх поддерживает конструктивные связи с руководством Украины, налаживает международные контакты. В его кабинете имеется сувенир в виде подсвечника — подарок трагически погибшего Премьер-Министра Израиля Ицхака Рабина.

*Главный раввин Киева
и Украины
Яков Дов Блайх*

Теперь войдем в здание синагоги. Ее темно-красный фасад заметен издали. Правда, вы напрасно будете пытаться открыть внушительного размера двери на главном фасаде — они не открываются никогда. Имитация входа напоминает о той находчивости, которую проявил Габриэль-Яков Розенберг при строительстве синагоги. Настоящий вход — со двора, куда мы попадаем через ворота с изображением меноры. На синагогальном подворье находится пекарня, где готовят мацу для многих тысяч евреев. Отсюда же мы можем попасть в помещение киевской иешивы.

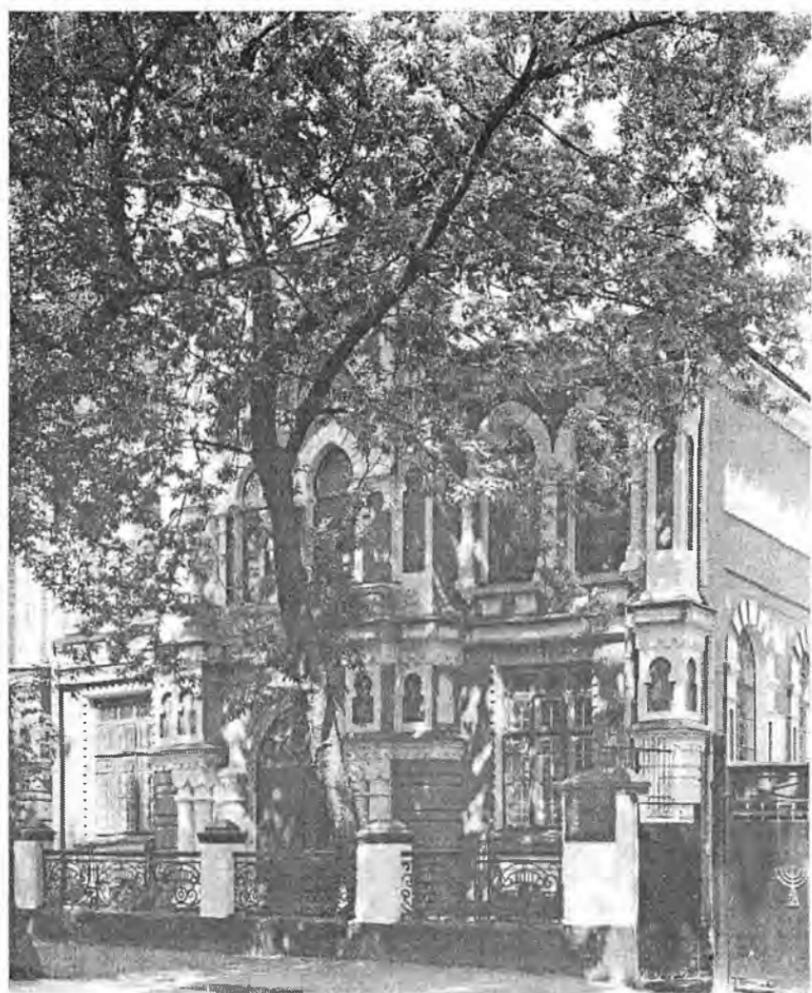
В здании синагоги несколько дверей. Ближайшая из них — для мужчин, она ведет в главный молитвенный зал. За рядами скамей для молящихся возвышается деревянный Арон-Кодеш, оформленный в стиле барокко. Он изукрашен резьбой и занавешивается бархатным парохетом. На стенах и потолке повлечены росписи с орнаментами и религиозными текстами, подобные тем, что были здесь сто лет назад. Ограждение галереи для женщин украшено символами зодиака, обозначающими 12 колен Израилевых. На галерею поднимаются по лестнице, к которой ведет следующая дверь. По этой же лестнице можно попасть в приемную Главного раввина Киева и Украины. Последняя дверь ведет в подвальное помещение, где находятся служебные кабинеты и нижний зал — зал заседаний.

Во второе столетие своего существования киевская синагога вступила при благоприятных обстоятельствах. Пусть же волею Б-га киевские евреи всегда находят здесь источник просвещения и оплот традиций.

Michail Kalnitsky

THE SYNAGOGUE OF KIEV JEWISH COMMUNITY

5656-5756

Historical List

The oldest center of Jewish religious life in Kiev is the synagogue on Shchekavitskaya Street. With the beginning of the 5757th year this synagogue has become 100 years old!

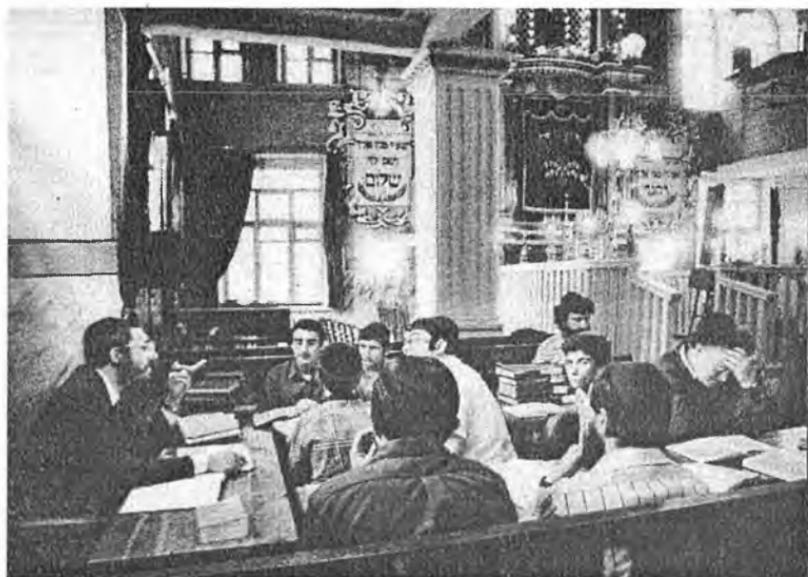
Thanks to the dedication and generosity of Gabriel Yaakov Rosenberg the synagogue became the only building at its time especially built to meet the needs of the Jewish religious community of Kiev. During the period of 1945-1992 it was the only operating synagogue in the capital of Ukraine.

This short historical perspective, dedicated to the 100th anniversary of the synagogue, mentions the history of centuries of Jewish life in Kiev, of synagogues which existed during the historic past. It tells of the problems and hardships encountered by Jews in Kiev a century ago, and how in the face of a discriminating anti-semitic legal system, Jews remained steadfast in their faith and loyal to their traditions. We read about the happier times of the synagogue under the patronage of the famous merchant Baron Ginsburg, and of the sad times when the Soviet government turned this holy place into a club. During the years following World War II the synagogue was constantly under the watchful eye of the KGB, however in the post-soviet era it has become a center for a renaissance of Jewish life and tradition in Kiev and Ukraine.

The object of our interest is not only the architectural beauty of an old building, recognized as an architectural landmark, more important is the fate of the people connected to the synagogue, i.e. Rabbis, merchants, and members.

This text is based on the information and documents found in literature and archives in Ukraine and Russia.

The author is a researcher of the history of Kiev and Ukraine and a member of the Kiev Jewish Community Board.

Старейшим
еврейским религиозным
центром Киева по праву считается
синагога иудейской общины (улица Ще-
кавицкая, 29). С началом 5757-го года по
еврейскому календарю синагога вступила во второе столетие своего
существования. Основанная благодаря щедрости и находчивости
киевского мецената Габриэля-Якова Розенберга, она оказалась
первым после длительного перерыва киевским сооружением,
специально предназначенным для молящихся евреев.

The oldest center of Jewish religious life in Kiev is the
synagogue on Shchekavitskaya Street. With the beginning
of the 5757th year this synagogue has become 100 years old!
Thanks to the dedication and generosity of Gabriel Yaakov Rosenberg
the synagogue became the only building at its
time especially built to meet the needs
of the Jewish religious com-
munity of Kiev.

